

Архиепископ Вассиан (Санин) и Василий III: Русская Церковь и великокняжеская власть в начале XVI в.

Александр Казаков

Archbishop Vassian (Sanin) and Vasiliy III:
Russian Church and Grand Prince's power in early 16th century

Alexander Kazakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25020151, EDN: DRAHNN

К вопросам отношений Церкви и великокняжеской власти в Московском государстве начала XVI в. отечественная историография обращается с завидным постоянством. Результаты неослабевающего интереса к этой проблематике позволяют представить основные направления взаимодействия духовенства, преимущественно высших иерархов, и великого князя. Отмечу, однако, что в каждом случае – событиях или судьбах причастных лиц – они имели свою специфику. В таких уникальных чертах достаточно отчётливо проявляются интересы и способы взаимодействия сторон, перемены в их взглядах на события и процессы и, соответственно, сопутствующие трансформации – т.е. те факты, которые не всегда удается учесть, основываясь лишь на понимании общей линии отношений между церковной иерархией и великокняжеской властью. Изменение исследовательской оптики требует более внимательного отношения к источникам. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть историю и характер взаимодействия церковной и великокняжеской власти в Московском государстве начала XVI в. сквозь призму деятельности Вассиана (Санина), занимавшего в 1506–1515 гг. Ростовскую кафедру.

На первый взгляд, этот иерарх мало чем выделяется среди русских архиереев начала XVI в. Летописные известия о нём сводятся к трём сообщениям: о поставлении на кафедру в январе 1506 г., участии в хиротонии митрополита Варлаама 3 августа 1511 г. и смерти 28 августа 1515 г.¹ – перечень вполне традиционный. Также летописи рассказывают, например, о его современнике – суздальском епископе Симеоне. В силу скудости сведений о Вассиане упоминания о нём в научной литературе часто сводятся к общим суждениям, а факты биографии рассматриваются преимущественно в контексте деятельности его старшего брата – прп. Иосифа Волоцкого. И.П. Хрушцов, разбирая содержание посланий прп. Иосифа, обратил внимание, что, прежде чем занять пост архимандрита московского Симонова монастыря, Вассиан «вынес на себе гонение еретиков»². В.И. Жмакин полагал, что «Вассиан Ростовский пользовался большим значением в Москве как у митрополита, так и у великого

© 2025 г. А.А. Казаков

¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 375, 393, 405.

² Хрушцов И.П. Исследования о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. 130–132.

князя — не только по видному положению своей кафедры... но и потому ещё, что он вообще разделял то уважение, которым окружаем был в Москве его старший брат прп. Иосиф Волоцкий, знаменитый основатель Волоколамского монастыря, реорганизатор монашества, замечательный богослов и церковный писатель, ревностный защитник православия против еретиков»³. Е.Е. Голубинский указывал, что Вассиан (Санин) характеризовался «недоброжелателями» как человек «лёгкий убо умом, легчайший же и разумом»⁴ — такое суждение о ростовском владыке восходит к сторонникам опального новгородского архиепископа Серапиона⁵. Я.С. Лурье, упомянув о поставлении в 1502 г. Вассиана в архимандриты Симонова монастыря, прибавил, что произошло это, «когда Иосиф стал уже авторитетнейшей фигурой в церкви»⁶. А.А. Зимин заметил, что Вассиан, сделавшись «близким лицом ко двору великого князя... оказал много неоценимых услуг Иосифу Санину в его напряжённой борьбе. Это был типичный иосифлянин»⁷.

Характеристика Вассиана как «типичного иосифлянина», возможно, подразумевает, что он был зависим от старшего брата фигурой. Может показаться, что и продвижение Вассиана в церковной иерархии явилось следствием влияния и авторитета Иосифа Волоцкого. Это — серьёзное упрощение, ибо управление епархией требовало обширной книжной выучки и опыта в хозяйственных делах. Как отметил А.С. Усачёв, Вассиан «стал наставителем, имея за своими плечами по меньшей мере 25-летний стаж монастырской жизни»⁸, давший нужный для управления монастырём, а затем и епархией, опыт. Очевидно, Вассиан был не только искусным книжником, составителем Жития прп. Пафнутия Боровского, но и незаурядным церковным деятелем, о чём можно судить и по фактам его биографии, и по связанным с его деятельностью источникам⁹. Рассмотрение утвердившихся в научной литературе мнений относительно архиепископа Вассиана хотя и обнаруживает некоторую тенденцию в оценке его деятельности, не предлагает цельного — пусть и на уровне гипотез — представления о нём.

Начать уместнее с рассмотрения биографических вех. Время рождения и мирское имя Вассиана источники не сохранили. Известно, что он вслед за старшим братом пришёл в Пафнутиев Боровский монастырь, — о чём сам поведал в Житии прп. Пафнутия, от которого принял постриг. Несмотря на утверждение о долгом пребывании со старцем, Вассиан сообщил, что о его

³ Жмакин В.И. Памятник русской противокатолической полемики XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Т. CCXI. Отд. 2. С. 323.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. Ч. 1. М., 1900. С. 576.

⁵ Житие новгородского архиепископа Серапиона // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. XXI. М.; Л., 1965. С. 159. О литературном источнике этой характеристики Вассиана (Санина) см.: Казаков А.А. Полемика с иосифлянами в Житии Серапиона, архиепископа Новгородского // Slovène. Т. 9. 2020. № 1. С. 151–152.

⁶ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 213.

⁷ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 39.

⁸ Усачёв А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 106.

⁹ Макарий (Веретенников), архим. Вассиан II // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 262–263.

подвигах и чудесах узнал из рассказов брата Иосифа и «от древних ученик» Пафнутия, иноков Иннокентия и Исаии Чёрного. Из текста Жития не вполне ясно, о каких событиях в жизни Боровского монастыря он повествует как очевидец, а о каких – с чужих слов. Так, вслед за сообщением о своём постриге он поместил рассказ о строительстве каменного храма, освящённого 26 октября 1466 г.¹⁰ Непонятно, жил ли он сам тогда в монастыре. Житие включает рассказ о том, как некогда игумен Пафнуй, узнав, что симоновский архимандрит оставил свой пост, указал на Вассиана, «юнна зело и новопострижена», и предрёк, что тот впоследствии станет здесь настоятелем¹¹. Хронология смены настоятелей Симонова монастыря в третьей четверти XV в. сохранилась фрагментарно¹², и датировать это известие крайне сложно. Можно высказать догадку, что Вассиан (Санин) принял постриг в конце 1460-х – начале 1470-х гг.

Жизнь в Иосифо-Волоколамском монастыре стала вторым значительным этапом его биографии. Прп. Иосиф Волоцкий по кончине Пафнутия возглавил Боровский монастырь, но вскоре оставил игуменство и в 1479 г. основал обитель на Волоке Ламском. Здесь среди первых насельников оказался «сущий по плоти брат Иосифу Васиан: глаголют его мужа разумна и церковному чину искусна во пении и чтении»¹³. Это свидетельство подтверждают сохранившиеся рукописи монастырской библиотеки: связанные с именем Вассиана два певческих манускрипта¹⁴. Сколько лет Вассиан подвизался в монастыре Иосифа, сказать сложно. Известно, что в январе 1489 г. он ещё жил здесь. К этому времени относится послание на Волок новгородского архиdiакона Герасима Поповки, справлявшегося «о Васиане: оба ли стихараля пел, месячной и посной»¹⁵.

Следующее известие, гипотетически связанное с его именем, приурочено к наступлению седьмой тысячи лет 1 сентября 1492 г. Иосиф Волоцкий откликнулся на это событие тремя Сказаниями о «скончании седьмой тысячи», затем включёнными в состав «Просветителя»¹⁶. Первое из них изначально имело вид послания: исследователи неоднократно обращали внимание на содержащееся в некоторых списках первого Сказания обращение «брате» и даже «взлюбленне брате»¹⁷. Иосиф нечасто использовал эту форму, в его обширном эпистолярном наследии можно обнаружить ещё три схожих случая: в послании Вассиану («любимый и сладчайший мой брате»), послании некоему брату о соблюдении заповедей («любезнейшаму ми брату и духовному чаду») и послании иконописцу («възлюбленный и духовный мой брате»)¹⁸. Содержание первого из

¹⁰ Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899. С. 125; ОР РГБ, ф. 113, № 515, л. 419 об.; № 638, л. 238.

¹¹ Житие Пафнутия Боровского... С. 131.

¹² Стров П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 149–150.

¹³ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1865. Кн. 2. Приложения. С. 121–122.

¹⁴ ОР РГБ, ф. 113, № 245, л. II; ОР ГИМ, Епарх. собр., № 190, л. I, 1–5.

¹⁵ ОР РГБ, ф. 113, № 505, л. 167 об.

¹⁶ Лурье Я.С. Указ. соч. С. 114–118. Ср.: Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 330–334.

¹⁷ Лурье Я.С. Указ. соч. С. 116; Манохин А.А. «Новгородские злые ереси» конца XV в. М., 2023. С. 252–257; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 396, 400.

¹⁸ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 173, 236; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 323.

Сказаний передано в авторском списке «Надгробного слова» Иосифу Волоцкому¹⁹ его «братаничем» Досифеем (Топорковым), который в своих сочинениях пользовался сведениями, полученными от дяди Вассиана (Санина)²⁰. Поэтому не исключено, что первое из Сказаний имело вид послания, направленного Иосифом брату, а это может указывать на то, что последний находился вне Волоколамского монастыря.

О том, что Вассиану пришлось покинуть Иосифо-Волоколамскую обитель, свидетельствует адресованное ему послание прп. Иосифа. Обращаясь к брату, он сетовал: «Ныне же, увы мне, всеконечно тебе от мене разлучиша». Очевидно, он писал брату, когда тот окончательно покинул монастырь. Несмотря на отсутствие даты в тексте, исследователи не раз обращали внимание на характерный датирующий признак: Иосиф призывал Вассиана вооружиться против «дивия вепря, пришедшаго от луга и озабавшаго виноград его, и оквернивъшаго святительский великий престол»²¹, митрополита всея Руси Зосимы – главного ересиарха, по мнению волоцкого игумена. Поэтому послание относят ко времени не позже 1494 г., «когда между “обличителями” и митрополитом вспыхнула открытая борьба»²².

Вассиан, очевидно, разделял сложившиеся к началу XVI в. взгляды старшего брата и, по всей вероятности, с какого-то момента включился в борьбу с теми, кого считал причастными к ереси. Это имело для него двоякие последствия. С одной стороны, как следует из послания прп. Иосифа Вассиану, он подвергся нападкам еретиков, с другой – это, вероятно, помогло ему начать продвижение в церковной иерархии. 11 апреля 1502 г. Иван III «положил опалу» на своего внука Дмитрия Ивановича и его мать Елену Волошанку, «посади их за приставы». 14 апреля «князь велики Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княжение Володимерьское и Московское и всея Руси самодръжцем»²³. В написанном не позже 1504 г. послании архимандриту Спасо-Андроникова монастыря и духовнику великого князя Митрофану Иосиф Волоцкий сообщил: «наедине» Иван III признался ему, что «ведал новгородских еретиков», и проговорился: «Иван деи Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел»²⁴. Поставление Вассиана в архимандриты могло сопутствовать отстранению от власти великого князя Дмитрия Ивановича.

Первое достоверное известие о Вассиане-архимандрите относится к июлю 1502 г.²⁵ В том же году в начале мая на Коломенскую и Пермскую кафедры были поставлены выходцы из вологодских обителей, оба Никоны: пер-

¹⁹ Казаков А.А. Иосиф Волоцкий, «конец времён» и ересь «жидовствующих»: о некоторых свидетельствах Досифея Топоркова // Novogardia. 2019. № 1. С. 131–137.

²⁰ Досифей включил в Волоколамский патерик повести, читаемые в ряде списков Жития прп. Пафнутия – вероятно, они записаны со слов Вассиана (Волоколамский патерик // Древнерусские патерики / Подгот. А.Л. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 85, 95–100; Житие Пафнутия Боровского... С. 131–138).

²¹ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 434.

²² Лурье Я.С. Указ. соч. С. 217; Манохин А.А. «Новгородские злые ереси»... С. 276–289. Ср.: Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси... С. 315, 347.

²³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 367–368.

²⁴ Хрущов И.П. Указ. соч. С. 183–188; Лурье Я.С. Указ. соч. С. 128; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 436.

²⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века (далее – АСЭИ). Т. II. М., 1958. № 426. С. 466–467.

вый — из игуменов Павло-Обнорского монастыря, второй — из Дионисиево-Глушицкого²⁶. Соблазнительно видеть между возвышением Вассиана и, по крайней мере, одной из этих архиерейских хиротоний — коломенского епископа Никона — связь, хотя на тот момент ничто явным образом на неё не указывало: споры о мерах наказания «жидовствующих», которые впоследствии разделили иосифлян и нестяжателей, ещё не дали о себе знать. С другой стороны, Иван III, отправивший внука и невестку под домашний арест и открывший путь к великому княжению будущему Василию III, всё же, вероятно, пытался сформировать и некоторый противовес исключительному положению наследника, играя на противоречиях. Свидетельство тому находим в послании Иосифа Волоцкого архимандриту Митрофану, основное содержание которого сводится к необходимости убедить великого князя начать обыски и казни еретиков: Иван III «еретиков не велит обыскати и искоренити». Причину этого волоцкий игумен видел в том, что «государь наш князь великий блoudется греха казнити еретиков»²⁷. Едва ли, однако, Иван III сомневался в необходимости расправ над подданными, заподозренными в еретичестве. Будучи опытным прагматиком и мастером интриги, великий князь откладывал начало массовых розысков, создавая сыну ситуацию неопределенности, которая не позволяла ему окончательно утвердить свою власть. Великий князь Василий Иванович должен был помнить, как вместе с матерью оказался в декабре 1497 г. в опале, затем последовали казни их сторонников²⁸. Однако это не помешало ему впоследствии стать соправителем отца. От воли последнего зависела как судьба Василия, так и участь Дмитрия: зная нрав Ивана III, внук мог надеяться, что тот сменит гнев на милость, а сын опасался такого поворота событий²⁹. Поэтому Василий Иванович, очевидно, выступил наиболее непримиримым противником еретиков, в которых видел поборников отстранённого от власти соперника.

Как следует из послания архимандриту Митрофану, сложилась неопределенная ситуация и для сторонников казни еретиков в церковных кругах, в том числе Вассиана. По словам Я.С. Лурье, «еретик Митя Коноплёв ещё в мае 1503 г. участвовал в одном из посольств в Литву», что вряд ли было бы возможно, если в то время шёл обыск «жидовствующих»³⁰. Положение великого князя Василия Ивановича и его приверженцев упрочилось летом 1503 г., когда Иван III «начат изнемогати»: в ходе конфликта с игуменом Серапионом и старцами Троице-Сергиева монастыря из-за межи между монастырскими и чёрными землями великого князя хватил удар³¹. Едва ли после этого состояние Ивана III, пребывавшего в «старости глубоце»³², позволило ему в полной мере участвовать в государственных делах, поэтому значительная часть власт-

²⁶ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 368.

²⁷ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 436–437.

²⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 352.

²⁹ Сохранились свидетельства, что накануне кончины Ивана III опасения Василия Ивановича подтвердились, однако ему удалось упредить неблагоприятное для себя развитие событий (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 66).

³⁰ Лурье Я.С. Указ. соч. С. 409.

³¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 370; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 145; Бегунов Ю.К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. XX. Л., 1964. С. 352.

³² Житие новгородского архиепископа Серапиона. С. 157.

ных полномочий перешла к Василию Ивановичу³³. По мере усиления власти последнего всё реальнее становились как розыск еретиков, так и подготовка соборного суда над ними.

Столь же вероятно, что усиление мер по сыску и кампания по оправданию казней еретиков вызвали противодействие, главным образом сторонников Нила Сорского. Косвенные признаки этого можно найти в летописном рассказе о Соборе 1504 г., осудившем «жидовствующих», и о судьбе коломенского епископа Никона. Показания о Никоне официальных летописей сводятся к записи о его хиротонии 1 мая 1502 г., а следующее известие о Коломенской кафедре относится уже к февралю 1507 г., когда епископом Коломенским стал «Митрофан, архимандрит андрониковской»³⁴. Белозерский летописец сообщил, что весной 1502 г. «поставлен Павловы пустыни игумен Никон епископ на Коломну и, быв 20 месяцъ, остави и съеха в Кириллов монастырь»³⁵. Интересно содержание грамоты иерарха об оставлении кафедры, особенно в сопоставлении с формулярами отписных грамот новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) («остави престол свой за немощь неволею» в июне 1504 г.³⁶) и епископа Великопермского и Вологодского Филофея³⁷ (сошёл с кафедры весной 1501 г.³⁸).

Отписная грамота коломенского епископа Никона	Отписная грамота новгородского архиепископа Геннадия	Отписная грамота великопермского и вологодского епископа Филофея
Государю пресвященному Симону, митрополиту всея Руси, многогрешный чернецъ, бывший коломенъский епископ, Никон челом бью. Государь, своеа ради немоши оставил есьмо свою епископию и степень своего святительства коломенскаго	Господину пресвященному Симону, митрополиту всея Руси, нищий, господине, богомолецъ ваш Генадей, архиепископ Великого Новагорода и Пскова, челом бью. Своеа ради, господине, немоши оставил есьмо свою архиепископию и степень своего святительства Великаго Новагорода и Пскова	Господину пресвященному Симану, митрополиту всея Руси. Нищий, господине, богомолецъ ваш, владыка Филофей пермъский и вологодцкий, челом бью. Своеа ради, господине, немоши оставил есьмо свою епископию и степень своего святительства пермскаго и вологодцаго

Никон в своей отписной грамоте называет себя «многогрешным чернечом» и «бывшим епископом», в то время как Геннадий и Филофей обращались к первосвятителю как находящимся в архиерейском сане. Можно предположить, что к моменту, когда от Никона потребовали дать отпись, он был *de facto* сведён с кафедры. Возможно, на тот момент он находился в заточении, в чём убеждает обращённое к митрополиту Симону послание, где Никон про-

³³ Усачёв А.С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1(55). С. 59.

³⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 378.

³⁵ Там же. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 197.

³⁶ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 371.

³⁷ Тексты грамот см.: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. [Вып.] II. М., 1987. № 97. I. С. 300 (Никон); № 99. С. 303 (Геннадий); № 85. С. 272 (Филофей).

³⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 364.

сит печаловаться перед великими князьями Иваном Васильевичем и Василием Ивановичем, «чтобы государеве смиловалися, Бога ради отпустили мене, грешнаго, за Волгу»³⁹ — что, кстати, дополняет известие об отъезде бывшего владыки в Кириллов монастырь.

Однако, на мой взгляд, если связывать владыку с нестяжательской традицией, то по этому вопросу он едва ли сильно расходился во мнениях с Иваном III, который в 1503 г. «восхоте... у митрополита, и у всех владык, и у всех монастырей села поимати и вся к своим присоединити»⁴⁰. Поскольку же Никон оставил кафедру в январе 1504 г., когда, надо думать, полным ходом шли обыски еретиков и подготовка к соборному суду над ними, не исключено, что он мог держаться по отношению к этим процессам мнения, неудобного для великого князя Василия Ивановича. Последнему публичные казни еретиков были необходимы для устрашения противников в борьбе за власть.

Но столь же вероятно, что сомнения в необходимости жестоких методов дознания и последующих казней «жидовствующих» характерны не только для него — на это намекает описание соборного разбирательства в отношении еретиков в официальном летописании. В конце осени — начале зимы 1504 г. «князь велики Иван Васильевич и сын его князь велики Василей Иванович всея Руси со отцем своим, с Симоном митрополитом, и с епископы, и со всем собором обыскаша еретиков и повелеша их, лихих, смертою казнью казнити»⁴¹. Ряд деталей заметно отличают описание Собора 1504 г. от известий о Соборе 1490 г., на котором осудили «жидовствующих» новгородцев. В рассказе о последнем, помимо митрополита Зосимы, владыки названы поимённо: ростовский архиепископ Тихон, суздальский епископ Нифонт, рязанский Симеон, тверской Вассиан, сарский и подонский Прохор, великопермский и вологодский Филофей. Более пространно сообщается и о менее высокопоставленных участниках, среди которых названы «архимандриты и игумены Троицкыи Сергеева монастыря игумен Офонасеи, и старцы честнии Пасея и Нил, и протопопы, и священники, и диакони»⁴². Получается, что автор летописной статьи 1504 г. был плохо осведомлён о составе Собора, возможно, по причине отсутствия у него соборного приговора, утверждённого подписями архиереев. С другой стороны, он не назвал среди участников архиепископов, вероятно, зная, что в то время Новгородская и Ростовская кафедры вдовствовали.

Таким образом, об участниках Собора 1504 г., за исключением митрополита Симона, Ивана III и его сына-соправителя, ничего неизвестно. Правда, впоследствии противник иосифлян князь-инок Вассиан (Патрикеев) утверждал, что «Иосиф с своими епископы златом и пиры митрополита превели на свою волю»⁴³. Несмотря на полемичность свидетельства и на то, что вышло оно из-под пера Вассиана через несколько лет после событий, признать его

³⁹ Русский феодальный архив... [Вып.] II. № 97.II. С. 300–301.

⁴⁰ Бегунов Ю.К. «Слово иное»... С. 351.

⁴¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 371–372.

⁴² Там же. Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 281. В некоторых летописях читается сокращённый вариант рассказа о Соборе 1490 г. (Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 328–329), но даже он гораздо полнее, чем летописное повествование о Соборе 1504 г. О летописных сообщениях относительно ереси см.: Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси... С. 328–384.

⁴³ Анхимюк Ю.В. Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Вып. 49. М., 1990. С. 145.

совсем недостоверным нельзя. Очевидно, митрополит, о котором писал Вассиан, – это Симон. Но гораздо интереснее слова о епископах-сторонниках жестоких мер по отношению к «жидовствующим». На момент подготовки и проведения Собора 1504 г. единственный владыка, на кого волоцкий игумен предположительно имел влияние, это сузdalский епископ Нифонт, адресат послания Иосифа против митрополита Зосимы. Правда, в 1500-х гг. Нифонт был в очень преклонном возрасте – он скончался в марте 1508 г.⁴⁴ Возможно, Вассиан (Патрикеев) имел в виду современных ему владык, в 1504 г. архиереями не являвшихся, но занимавших высокое положение в Церкви и участвовавших в соборных заседаниях. К ним можно отнести архимандрита Симонова монастыря Вассиана (Санина), архимандрита Спасо-Андроникова монастыря Митрофана и, возможно, игумена Троице-Сергиева монастыря Серапиона. Все они после смерти Ивана III стали архиереями: в январе 1506 г. Серапион и Вассиан заняли соответственно Новгородскую и Ростовскую кафедры, а Митрофана в феврале 1507 г. поставили владыкой в Коломну⁴⁵.

Результатом соборных заседаний стали казни «жидовствующих» зимой 1504/05 г. Вслед за этим 18 января 1505 г. «преставись великая княгиня Елена Волошанка в нытстве... Положиша ея в церкви Вознесения на Москве»⁴⁶. Очевидно, смерть княгини стала завершающей в серии расправ, однако место её погребения даёт повод для размышлений. По свидетельству Вассиана (Патрикеева), впавшие в ересь «при концы каются и христиане исповедаются», но по совету Иосифа Волоцкого великий князь им «не велел дати прощения, ни милости. Иных пожег, а иных велит в темницах поморити»⁴⁷. Разумеется, князь-инок преувеличивал влияние прп. Иосифа – во всяком случае, меры, применённые к еретикам, были хорошо известны. «Тенденция к тому, чтобы приравнять противников великого князя к отступникам от веры нашла отражение и в некоторых деталях самого церемониала расправ с этими противниками. Так, показательно, что перед казнью в 1462 г. серпуховских дворян, пытавшихся освободить из тюрьмы своего арестованного князя, Василий II «и отцем духовным не велел приступати к ним», – отметил Б.Н. Флоря⁴⁸. Возможность предсмертного покаяния Елены Волошанки крайне сомнительна, что, однако, не помешало погребению уличённой в еретичестве великой княгини в церковных стенах.

Жестокие казни «жидовствующих» (всего казнили 27 человек⁴⁹) стали причиной того, что «Кирилова монастыря старцы да и все заволжские старцы» выступили с письменным ответом на сочинения Иосифа Волоцкого. Обосновывая необходимость казнить еретиков, он утверждал, что смерть еретика от молитвы праведника равнозначна казни от «благочестивия и православные

⁴⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 382. В 1476–1482 гг. Нифонт был настоятелем в Кириллове, затем два года архимандритом Симонова монастыря, а к моменту Собора 1504 г. занимал Сузdalскую кафедру уже двадцать лет (*Строев П.М. Указ. соч. Стб. 55, 150, 655*).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 375, 378. Ср.: Там же. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 215; Т. XXVI. С. 297. Промедление с хиротонией Митрофана, кажется, связано с его деятельностью на посту архимандрита Андроникова монастыря, где весной 1504 г. началось строительство кирпичной трапезной палаты, завершившейся летом 1506 г. (Там же. Т. XXXIX. М., 1994. С. 176, 178).

⁴⁶ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 372.

⁴⁷ Аникуш Ю.В. Слово на «Списание Иосифа»... С. 144.

⁴⁸ Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 206.

⁴⁹ ОР РГБ, ф. 171/1, № 201, л. 271.

царя». Соображения Иосифа вызвали возражения кирилловских иноков, усомнившихся, что «грешника или еретика руками убити, или молитвою, едино есть». Они приводили «свидетельства от Божественаго писания... что некающиихся еретиков и непокаряющих велено заточити, а кающихся еретиков и свою ересь проклинающих, церковь Божиа приемлет простртыма дланьма»⁵⁰. Реакцией на ответ стало послание о соблюдении соборного приговора, написанное, по всей вероятности, митрополитом Симоном⁵¹: «Подобает вам повиноватися соборной церкви начальному паstryю и всему Освященному собору... Вы же на толико мнение и гордость взястеся, яко о таковых отступницех не послушасте нашего смирения». Упоминание об «отступниках» позволяет предположить, что текст составлен не без участия Иосифа Волоцкого. Вместе с тем характеристика «жидовствующих» как «отступников» позволила снять вопрос о приносимом ими покаянии: «О нынешних же отступницех нигде писано есть, како сих приимати и плоды покаяния искушати... А вы ныне пишете о древних еретицах, иже некоторыя ереси держаше и паки своею волею покаявшихся да прилагаете нынешних отступник и отметник невольное покаяние к онех волному покаянию... Иноком же о сих не повелеша о себе промышление творити к соборней церкви и ко святителем о сем приходити и, кроме их повеления, ничтоже творити»⁵².

Обмен мнениями относительно судеб еретиков едва ли остался незамеченым великокняжеской властью, для которой казни были не только утверждением «благочестия» и «правоверия». Не случайно «князь великий Василий Иванович посадил в железа племянника своего князя Дмитрия Ивановича в полату тесну». Случилось это, вероятно, вскоре после смерти Ивана III в октябре 1505 г.⁵³ В современных событиям летописце Дмитрий Иванович охарактеризован как «странотерьпец»⁵⁴, что свидетельствует о сочувственном к нему отношении⁵⁵. Поэтому выступление кирилловских старцев не могло не насторожить Василия III, наверняка знавшего об их связях с поверженными врагами, а именно о доверительных отношениях между ними и великокняжеским дьяком Фёдором Курицыным.

Свидетельством тому служит запись в синодике Кирилло-Белозерского монастыря, составленного, по всей вероятности, не ранее первой трети XVI в.⁵⁶: «Феодора. Еусевия. Горонтия» с пометой сверху: «Курицына»⁵⁷. Вне зависимости от того, когда была внесена запись в синодик, среди заволжцев, очевид-

⁵⁰ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 495–496, 511–512.

⁵¹ Манохин А.А. «Новгородские злые ереси»... С. 349–353.

⁵² Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 508–509.

⁵³ ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 52. Ср.: Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 374.

⁵⁴ ОР ГИМ, собр. Уварова, № 95, л. 8. О датировке памятника см.: Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 114.

⁵⁵ Как отметил С.М. Каштанов, в сопредельных с Московским государством прибалтийских землях в начале 1505 г. распространились сведения о том, что «Иван III смертельно болен и его сын Василий должен быть великим князем, а внук всё ещё арестован, русские же более склонны к внуку, чем к Василию». Последний же «приказывает всех еретиков хватать, где они не появятся, и жечь» (Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 233).

⁵⁶ Происхождение синодика, правда, иногда связывают с Ферапонтовым монастырём и относят к началу 1500-х гг. (Дергачёв В.В. Родословие Дионисия Иконника // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 210).

⁵⁷ РГАДА, ф. 181, оп. 6, № 539, л. 88.

но, существовала традиция посмертного поминания дьяка, хотя новгородский архиепископ Геннадий ещё в 1490 г. утверждал, что «Курицин началник всем тем злодеем», а Иосиф Волоцкий яростно обличал «еретичествующих, и живо́вьскаа мудрствующих, Алексея, глаголю, протопопа, и Федора Курицина, и попа Дениса». В послании о соборном приговоре 1504 г. упоминалось, что еретики «прельстили в жидовство Федора Курицына, да брата его Волка», сожжёного в конце декабря 1504 г. Судьба самого Фёдора остаётся неизвестной, в источниках после 1500 г. он не упоминается⁵⁸. Курицын принадлежал к числу деятелей, «которые в 90-е годы XV в. осуществляли курс политики Ивана III. Его кульминацией стала коронация Дмитрия-внука на великое княжение»; главой этой партии был кн. И.Ю. Патрикеев. К их сторонникам принадлежал и дьяк Андрей Майков, наряду с Курицыным подвизавшийся на дипломатическом поприще вплоть до 1501 г.⁵⁹ Скончался он в конце 1503 – начале 1504 г.⁶⁰ и, вероятно, накануне кончины принял иноческий постриг. В синодик Кирилло-Белозерского монастыря внесено имя «Арсения» с по-метой «Маик», что служит свидетельством связей великокняжеского дьяка с обителюю⁶¹.

Василий III имел основания считать кирилловских старцев сочувствующими проигравшей в борьбе за власть группировке, поэтому поставление Вассиана (Санина), вовлечённого в борьбу с ересью и, вероятно, осведомлённого о придворных интригах, на Ростовскую архиепископию, к которой принадлежал Кирилло-Белозерский монастырь, выглядит оправданно.

С последним связаны и некоторые сведения о деятельности архиепископа Вассиана. 17 мая 1506 г. скончался игумен Кириллова монастыря Макарий⁶². Выбор его преемника стал делом государственной важности. 5 июня того же года кирилловский старец Варлам был «взят на Москву на Симоново»⁶³, а в июле на подворье ростовских архиереев в Дорогомилове архиепископ Вассиан (Санин) выдал ставленную грамоту на игуменство в Кириллове иеродиакону Иоанну. Из грамоты следует, что владыка «по государя своего слову великого князя съвершил того Ивана в попы и на игуменство» его «благословил»⁶⁴. Факты выстраиваются в возможную последовательность: по смерти Макария претендента на игуменство Варлаама вызвали в Москву, однако его кандидатура не устроила великого князя, и в игумены поставили Иоанна. Ме-

⁵⁸ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 381, 474–475, 506; Лурье Я.С. Указ. соч. С. 407.

⁵⁹ Зимин А.А. События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 100–102.

⁶⁰ Герман Подольный сообщает, что Андрей Майков, брат Нила (очевидно, Сорского) скончался спустя год с небольшим после смерти Паисия (Ярославова) (Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. XL, примеч. 1). Считается, что Паисий умер 22 декабря 1501 г., а Андрей Майков – зимой 1502/03 г. Однако до последнего времени не брались в расчёт хронологические особенности летописчика Германа, использовавшего не сентябрьский, а мартовский стиль: из-за этого события сентября–февраля в его погодных записях датировались неверно (Казаков А.А. Летописчик белозерского старца Германа Подольского: хронологический аспект // История и культура Ростовской земли. 2022. Ростов, 2023. С. 71–72).

⁶¹ РГАДА, ф. 181, оп. 6, № 539, л. 57; Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. II. СПб., 2006. С. 160, примеч. 92.

⁶² Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... С. XLI, примеч. 1; Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. [Вып.] V. М.; Л., 1950. С. 28.

⁶³ Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... С. XLI, примеч. 1.

⁶⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XXXII. Пг., 1915. Стб. 126–127. Ср.: Никольский Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 114, примеч. 64.

сто его пострига неизвестно, но можно предположить, что он был выходцем из Кирилло-Белозерского монастыря. Впоследствии он возглавил Симонов монастырь, а затем занял Ростовскую кафедру, вероятно, не без поддержки ставшего митрополитом Варлаама⁶⁵.

Впрочем, непонятно, являлась ли ситуация с поставлением игумена Кирилло-Белозерского монастыря уникальной или, наоборот, типичной, поскольку неизвестно, как происходил выбор игумена прежде⁶⁶. Примечательна, однако, судьба Варлаама. Он, будучи постриженником и вероятным претендентом на игуменство в Кирилловской обители, к насельникам которой Василий III имел основания относиться с подозрением, стал архимандритом одного из крупнейших столичных монастырей – и здесь, вероятно, великий князь следовал обычью. Уместно вспомнить судьбу Нифонта, епископа Сузdalского, в 1478 г. в бытность игуменом Кирилло-Белозерского монастыря не побоявшегося выступить против притязаний ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Владыку, стремившегося подчинить себе монастырь в ущерб прав его патрона, удельного князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского, поддержал великий князь Иван III, благодаря чему спор о подсудности монастыря разрешился в пользу архиепископа⁶⁷. Для Нифонта исход дела неприятных последствий не имел, наоборот, через несколько лет он стал архимандритом Симонова монастыря, а впоследствии занял Сузальскую кафедру⁶⁸. Судьбу предшественника Варлаам повторил с тем лишь отличием, что так и не стал игуменом Кирилло-Белозерской обители.

Следующее направление деятельности архиепископа Вассиана было связано с розыском еретиков в Ростовской епархии, что, по всей вероятности, косвенно затронуло и насельников Кирилло-Белозерского монастыря. Исследователи неоднократно обращались к списку ростовского соборного синода XVII в., точнее к помещённому в нём анафематствованию «жидовствующим»⁶⁹. К уже известным именам еретиков здесь добавлены «Фегност Чермной архимарит иже на Песку, Иосиф Кункин чернец», а далее сказано: «И аще кто сведает от тех злочестивых и окаянных еретиков, а не поведает о них царству или святительству, и яко же проклинаем тех скверных и треклятых еретиков, новых жидов, тако и сего проклинаем равна суща им»⁷⁰.

⁶⁵ Никольский Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 114. Иоанн, по-видимому, принадлежал к числу архиереев, близких к Варлааму и нестяжателям (*Назаров В.Д. К истории церковных соборов и идеально-политической борьбы в России первой половины XVI в.* // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 193).

⁶⁶ Это замечание касается главным образом предшественника Иоанна, Макария, ставшего игуменом Кирилло-Белозерского монастыря около 1489 г. Во время его настоятельства завершилась «большая работа по закреплению Белоозера в составе великокняжеского домена» (*Каштанов С.М. Социально-политическая история России...* С. 70). Но свидетельств о том, был ли Макарий избран кирилловскими старцами, а затем утверждён ростовским владыкой, или его поставление совершилось волей Ивана III, не сохранилось. См. также: Никольский Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 114.

⁶⁷ АСЭИ. Т. II. № 315. С. 279–282; ПСРЛ. Т. XXXIX. С. 160; Никольский Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 27–33.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 320.

⁶⁹ Никольский К.Т. Анафематствование (отлучение от Церкви), совершающееся в первую неделю Великого поста. СПб., 1879. С. 33, 191–192; Бегунов Ю.К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 219–220, примеч. 50.

⁷⁰ РГАДА, ф. 381, № 391, л. 53 об.–54.

Эти слова имеют явную параллель с идеей Иосифа Волоцкого о тех, кто «и правоверни будут сами, уведавше же еретики или отступники, и не предадут судиам, конечную муку подоимут»⁷¹. В синодике провозглашается вечная память новгородскому архиепископу Геннадию, «много подвившемуся» на еретиков⁷². Поэтому анафематствования можно связать с деятельностью архиепископа Вассиана (Санина). Вероятно, с его же подачи в текст внесли имена, неизвестные по другим источникам. С.В. Сазонов убедительно отождествил обитель, где настоятельствовал Феогност Чермной, с ростовским Спасским монастырём. Прозвище «Чермной» «встречается в роде Квашниных», где среди его носителей был некто Фёдор Чермной, который при пострижении мог получить имя Феогност⁷³. Если архимандрит Феогност вёл происхождение от Квашниных, то он четвероюродный брат авторитетного кирилловского старца и бывшего игумена Гурия (Тушина)⁷⁴.

Неизвестно, правда, когда архиепископ Вассиан занимался поиском еретиков в вверенной ему епархии. Возможно, это происходило в первые годы его архиерейства, но не позже осени 1509 г., когда неблагоприятная для заволжцев ситуация начала меняться. 23 сентября 1509 г. великий князь отправился в Новгород, куда его сопровождал «архимандрит симановской Варлам»⁷⁵. Вероятно, поездка стала временем сближения великого князя и кирилловского постриженника, коренным образом повлияв на судьбу князя Василия Ивановича Патрикеева, инона Вассиана. Последний, попав в опалу в 1499 г., из-за гнева Ивана III едва не лишился жизни и лишь заступничеством митрополита Симона его постригли в Кириллове монастыре⁷⁶. Оставаясь здесь до 1506 г., Варлаам «не мог быть не знаком со ссылочным Патрикеевым, следовательно, было бы вполне естественным допустить, что именно Варлаам, находясь

⁷¹ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 492.

⁷² РГАДА, ф. 381, № 391, л. 58 об.

⁷³ Сазонов С.В. Ещё один центр распространения ереси «жидовствующих» // История и культура Ростовской земли. 1991. Ростов, 1991. С. 15–17. Есть мнение, что архимандрит Феогност Чермной не имел отношения к ростовской обители «на Песку», «поскольку в Спасском монастыре в XV–XVI вв. не было архимандритии» (Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси... С. 276). Но архиепископ Ростовский Тихон до поставления на кафедру в январе 1489 г. «был архимандритом у Спаса на Ростове» (ПСРЛ. Т. XXIV. С. 205–206).

⁷⁴ Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 48, 49. Есть мнение, что старец Гурий (Тушин) происходил не из Квашниных, но «из старомосковского рода Морозовых», а «фамильное прозвище получил по прадеду – Василию Тушे» (Турилов А.А. Гурий // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 482). Эта гипотеза представляется ошибочной: в родословцах в роду Квашниных значится «Григорей, Гурей, в Кириллове монастыре в черницах» (Редкие источники... Вып. 2. С. 49; Никольский Н.К. Указ. соч. Т. II. С. 155). Синодик Кирилло-Белозерского монастыря подтверждает его родство: в нём читается имя «Михаил» с пометой «Гуриев» (РГАДА, ф. 181, оп. 6, № 539, л. 54 об.). По всей вероятности, это родной отец инона Григорий Тушин из рода Морозовых носил отчество Иванович. Родословцы сообщают, что у него был «один сын Дмитрей, а прозвище ему Племянник» (Редкие источники... Вып. 2. С. 122). И, наконец, минейное Житие Иосифа Волоцкого рассказывает о иноне Арсении Невеже, в миру боярине Андрее Жохове Квашнине, который, приняв постриг в монастыре Иосифа Волоцкого, затем ушёл в Кириллов, где жил «сродич ему старец многолетен и честен, именем Гурей, по реклу Тушин» (Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1865. Кн. 2. Приложения. С. 71).

⁷⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 390.

⁷⁶ ОР ГИМ, собр. Щукина, № 668, л. 328 об.; Зимин А.А. События 1499 г. и борьба политических группировок... С. 102.

в свите великого князя, использовал удобный момент, чтобы ходатайствовать за опального князя-инока»⁷⁷. Действительно, Варлаам обосновался в Москве гораздо раньше, чем князь-инок Вассиан. О контактах симоновского архимандрита с Василием III в 1509 г. свидетельствует летопись, а где находился тогда Вассиан (Патрикеев), ничего не известно. Но, скорее всего, и возвышение Варлаама, и последующее возвращение в Москву князя-инока стало возможным из-за того, что 14 февраля 1509 г. в заточении умер великий князь Дмитрий Иванович⁷⁸. По всей вероятности, это событие переменило отношение великого князя к Кириллову монастырю и его обитателям – от предупредительных мер, осуществляемых посредством архиепископа Вассиана (Санина), Василий III взял курс на примирение с кирилловскими старцами. Косвенным признаком великокняжеского доверия стало, возможно, заточение в Кирилло-Белозерский монастырь князя Василия Даниловича Холмского в июле 1509 г.⁷⁹ Он был свойственником Василия III – в феврале 1500 г. женился на дочери Ивана III Феодосии⁸⁰. Расположения великих князей Холмский не утратил и по смерти супруги год спустя⁸¹, но затем по воле Василия III князя постигла незавидная участь. Решение о заточении столь высокопоставленной особы в Кирилловом монастыре демонстрировало великокняжеское доверие наследникам обители – тем более, что о постриге Холмского источники не упоминают.

Такие перемены, однако, никак не сказалась на положении Вассиана (Санина) – события лета 1509 г., соборный суд над новгородским архиепископом Серапионом, вероятно, укрепили его позиции. История, завершившаяся сведением Серапиона с кафедры, касалась непосредственно Иосифа Волоцкого и основанного им монастыря. Спасаясь от посягательств удельного князя Фёдора Борисовича Волоколамского на поступавшие в монастырь вклады, Иосиф искал защиты у великого князя по ходатайству митрополита Симона, принявшего Волоцкий монастырь под свой патронат. Переход обители «под руку» Василия III состоялся без благословения владыки Новгородского, в пределах архиепископии которого находилась обитель⁸². Уязвленный Серапион послал в Волоцкий монастырь «отлученную и неблагословенную» грамоту, где обронил фразу, имевшую для него печальные последствия: «Что де еси отдал свой монастырь в великое государство, ино де еси отступил от небеснаго, а пришел к земному». Волоцкий игумен прибавил от себя, что архиепископ «учинил Волок небом, а Москву землею, а князя Федора Волоцкого небесным, а великого князя Московского земным»⁸³. Такой поворот дела оказался для Серапиона неожиданным: вряд ли он так откровенно задевал великого князя, весьма ревностно относившегося к попыткам умалить его власть. Василий III, разумеется, не рассматривал удельного князя Фёдора Борисовича как сопер-

⁷⁷ Кистерёв С.Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 101.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 386. Из иных летописных источников известно, что Дмитрий Иванович «скончался гладом в темнице» (ОР ГИМ, собр. Уварова, № 95, л. 8), что подтверждает ходившие в ту пору слухи: «Одни полагают, что он погиб от голода и холода, другие – что он задохнулся от дыма» (Герберштейн С. Указ. соч. С. 66).

⁷⁹ Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря. С. XLII, примеч. 1.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 359–360.

⁸¹ Там же. Стб. 364.

⁸² Там же. Стб. 386–388. Ср.: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 216.

⁸³ Послания Иосифа Волоцкого... С. 221.

ника, но показательно его наказал, «и с очей его сослал, и бояр и дьяков его бесчестил»⁸⁴.

Архиепископ Серапион оказался под арестом уже в Новгороде. Решив ехать для объяснений в Москву, он столкнулся с тем, что «князь великий велел наместником детей болярских и кони поимать». Очевидно, главной причиной такого исхода стал гнев Василия III, а судьба Серапиона решилась до соборного суда. Правда, сторонники опального архиепископа упоминали об интригах Вассиана (Санина), «ласками и лестьми» настроившего «Симона митрополита, мужа кротка, и тиха» против новгородского владыки⁸⁵. Иосиф Волоцкий также указывал на активное участие младшего брата в соборном суде – Вассиан по велению великого князя допрашивал Серапиона⁸⁶. И всё же суд был скорее данью церковной традиции, чем разбором канонических пропинностей новгородского владыки, поэтому сочувствующие Серапиону особы явно преувеличили роль архиепископа Ростовского в его судьбе⁸⁷.

Хотя положению Вассиана на рубеже 1500–1510-х гг. ничего не угрожало, возвышение Варлаама и появление в Москве князя-инока Вассиана (Патрикеева), сблизившегося с Василием III, делали положение иосифлян не столь уверенным, как прежде. Вассиан (Патрикеев) ходатайствовал перед великим князем о кающихся еретиках, «а с ним от владык и от старцов начаша печаловатися». Иосиф Волоцкий в очередной раз выступил против снисходительного отношения к «жидовствующим», «и князь велики Иосифа послушал», что стало причиной нападок князя-инока Вассиана на иосифлян.

История, вероятно, не осталась без продолжения, и вскоре постриженники Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисий (Звенигородский) и Нил (Полев) обнаружили в скитах на Белоозере очередную ересь: «крест под постелею» и книгу, брошенную в печь одним из пустынников при появлении старца Дионисия. Об этих казусах (показывающих, по каким основаниям те или иные действия могли быть отнесены к еретическим) стало известно Иосифу Волоцкому. Он переправил их младшему брату, «понежь в его архиепископии». От Вассиана свидетельства попали к великому князю, который отнесся к ним равнодушно, заявив, что иосифляне и заволжцы «сами промеж себя бранятца», но по совету Вассиана Патрикеева приказал разорить пустыни Дионисия и Нила на Белоозере⁸⁸.

Возможно, к тому же событию приурочено адресованное Василию III послание Иосифа Волоцкого, вспоминавшего, как великий князь вместе с отцом «скверных новгородских еретиков и жидовских мудрствующих до конца низложил еси» – речь, очевидно, шла о Соборе 1504 г. С другой стороны, Иосиф призывал Василия III вооружиться против «скверных еретик» тем же самым образом, как и «в первом обыску», итогом которого стала «казнь на иже жидовская мудрствующих»⁸⁹, утверждённая соборным приговором 1504 г. Новоявленных еретиков, вероятно, обнаружили старцы Дионисий и Нил, а послание Иосифа Волоцкого, составленное около 1510–1511 гг.,

⁸⁴ Там же. С. 338.

⁸⁵ Житие новгородского архиепископа Серапиона... С. 161.

⁸⁶ Послания Иосифа Волоцкого... С. 222–224.

⁸⁷ Казаков А.А. Полемика с иосифлянами... С. 139–142.

⁸⁸ Послания Иосифа Волоцкого... С. 367–368.

⁸⁹ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С. 519–520.

стало сопроводительным письмом к грамоте со свидетельствами против белозерцев⁹⁰.

События позволяют говорить о сложных отношениях архиепископа Вассиана (Санина) с заволжцами, возможно, и изобличение архимандрита Спасского монастыря Феогнosta Чермного как еретика относится к тому же времени. Но вскоре владыке, вероятно, пришлось искать компромисс с кирилловскими старцами. Причиной могло стать не только усиление влияния Вассиана (Патрикеева), но и возвышение архимандрита Варлаама, снискавшего доверие великого князя. В начале 1511 г. Василий III отправил Варлаама и дворецкого В.А. Челяднина с увещеваниями к брату, князю Семёну Ивановичу, задумавшему бежать в Литву⁹¹. Тем не менее и это событие едва ли поколебало положение Вассиана (Санина), пребывавшего на кафедре до самой смерти 28 августа 1515 г.⁹²

В судьбе Вассиана (Санина), его возвышении в Русской Церкви начала XVI в. и деятельности в сане архиепископа Ростовского можно обнаружить немало примет сложных взаимоотношений церковных иерархов и велико-княжеской власти. Его продвижение в церковной иерархии могло быть связано с комплексом причин. Среди них на первое место можно поставить борьбу за власть между наследниками Ивана III и распространение ереси, за искоренение которой ратовал старший брат Вассиана Иосиф Волоцкий. В этой ситуации Вассиан оказался заложником своего выгодного положения: разделяя воззрения Иосифа на ересь и способы её искоренения, будущий архиепископ Ростовский мог расположить к себе великого князя Василия Ивановича, склонного рассматривать причастных к ереси как сторонников своего племянника и соперника в борьбе за власть. Поддержка Вассианом жестоких мер в отношении тех, кому можно было бы приписать уклонение в «жидовство», выглядела беспроигрышно. Она, вероятно, и привела его на архиерейский престол.

Но всё же не стоит сбрасывать со счетов и личных качеств Вассиана. Несмотря на перемены в настроениях Василия III, от настороженного отношения к выходцам из Кирилло-Белозерского монастыря перешедшего к благожелательному покровительству кирилловскому постриженнику Варлааму, Вассиан сумел сохранить положение и влияние. Умение лавировать сказалось и в отношениях Вассиана с подчинённым его духовной власти Кирилловым монастырём, чьих насельников Василий III, вероятно, подозревал в сочувствии заточённому великому князю Дмитрию Ивановичу. От конфликтных в отношении заволжцев шагов, таких как розыск еретиков в Ростовской архиепископии, Вассиан, следуя линии великого князя, перешёл около 1511 г. к сдержанному отношению к ним. Говорить об этом можно только гадательно, поскольку значимых известий о деятельности Вассиана в те годы источники не сохранили.

Очевидно, деятельность Вассиана (Санина) определялась рядом взаимосвязанных противоречий. Одни из них условно можно назвать внутрицерковными (споры иосифлян с заволжцами относительно мер к наказанию еретиков). Они выходили за церковные рамки, касаясь участия побеждённых

⁹⁰ Хрущов И.П. Указ. соч. С. 244; Лурье Я.С. Указ. соч. С. 464–465, 468.

⁹¹ ОР ГИМ, собр. Щукина, № 668, л. 329 об.

⁹² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 405.

в придворной борьбе сторонников Дмитрия-внука, и здесь интересы обличителей еретиков и великого князя совпали. Но желание Василия III после смерти Дмитрия Ивановича свернуть розыск еретиков, уже не представлявших непосредственной угрозы для его власти, породило вторую группу противоречий – между обличителями и великокняжеской властью. В углублении этих противоречий не были заинтересованы ни Василий III, ни Иосифляне. Последние, продолжая увещевать великого князя по волновавшим их вопросам, отчётливо видели черту, которую не следовало переходить⁹³. В понимании Вассианом (Саниным) меняющихся обстоятельств кроется причина его возвышения и сохранения высокого статуса.

⁹³ Такого поведения придерживался и Иосиф Волоцкий. После распри с архиепископом Серапионом он отказывался от примирения с опальным владыкой, утверждая, что «священнаа правила не повелевають у того епископа прощатись, который от старейшаго архиерея и от всех святителей и от всего священнаго собора отлучен, и не благословен, и из сана извержен». Когда же Василий III простил Серапиона и потребовал от Иосифа примириться с бывшим иерархом, тот не стал перечить «державному»: «Как ты, государь, велишь, и яз так бью челом» (Послания Иосифа Волоцкого... С. 187, 229).